

ШЕСТЬ ЛЕТ С ВЛАДИМИРОМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ

П.Ж. Кривс

Я пишу здесь не о научных достижениях великого ученого В.А. Котельникова. Об этом написано много людьми, куда более компетентными, чем автор этих строк. Я пишу не о В.А. Котельникове — создателе моего родного ОКБ МЭИ. Об этом я писал и пишу в других местах. Здесь я пишу о замечательном человеке — моем учителе и начальнике в первый период моей жизни в радиотехнике, которому я по существу обязан всем, что мне удалось сделать полезного для Родины за всю мою жизнь.

Летом 1943 г. я, лаборант кафедры радиопередающих устройств МЭИ и одновременно студент радиофакультета МЭИ, перешедший на 3-й курс, монтировал очередную учебную лабораторную установку и одновременно думал о предстоящем в ближайшее время курсе лекций «Основы радиотехники». Я ждал этого курса с большим интересом — ведь это был первый «Радиотехнический» курс после надоевших общетехнических. И тут подошедший зав. кафедрой передатчиков Евгений Рафаилович Гальперин сказал мне: «Петя, тебе повезло. На кафедру Основ радиотехники возвратился доцент В.А. Котельников. Он теперь опять зав. кафедрой, и он будет читать твоему потоку курс “Основы радиотехники”». Кстати, знай, что он не просто доцент. Он замечательный ученый, замечательный инженер, Лауреат Сталинской премии за важные работы оборонного значения. И курс он будет читать новый, и, надеюсь, тоже замечательный, так как все, что делает Володя, всегда замечательно».

И в ответ на мой, удивленный такой фамильярностью взгляд, добавил: «Владимир Александрович — мой старый друг и однокашник по МЭИ». Эти слова Гальперина меня очень обрадовали, и я с нетерпением ждал начала лекций Котельникова. И вот наступил долгожданный день. В аудиторию вошел высокий, красивый молодой человек, в рубашке с отложным воротником, с доброжелательной улыбкой, прошел на кафедру, коротко представился и приступил к делу. Хотя я заранее был настроен восторженно, первые несколько лекций я воспринял, как теперь любят говорить, неоднозначно. Сразу понравились отличный и, вместе с тем, простой язык, строгая логика и точность, спокойствие и неторопливость лектора. Но показалось, что слишком много математики в простых вещах, которые, как я полагал, я знал еще во время своих занятий радиолюбительством. Зачем, дескать эти сложности, если все и так понятно. Я даже хотел поделиться своими сомнениями с Евгением Рафаиловичем, но не рискнул — «Гапа» мог запросто оборвать и сказать, что я не дорос критиковать Котельникова. Я воздержался и правильно сделал. Еще через пару лекций я почувствовал, как под мои детские интуитивные представления подводится мощная основа, и они превращаются в настоящее понимание и знание. И я увлекся этими лекциями. Мне показалось, что я понял основу методики Владимира Александровича: от явления и его описания к математической модели, анализу этой модели и к действительному пониманию явления на основе этого анализа. Я был молод, достаточно эмоционален, и поэтому нарушил «вторую заповедь». Владимир Александрович воистину стал моим кумиром.

Кафедры передатчиков и основ радиотехники размещались в доме № 13 одна под другой, и молодые сотрудники и преподаватели составляли одну

компанию. От своих коллег на кафедре ОРТ, Шурика Николаева и других, я скоро узнал, что и они тоже в восторге от В.А. А в 1944–1945 годах появились новые горячие поклонники В.А. — Кирилл Самойло, Леня Кузнецов. Думаю, что среди кафедральной молодежи В.А. был самым популярным, хотя еще он не был ни профессором, ни доктором наук. Просто мы чувствовали в нем настоящего человека, скромного, дружелюбного и исключительно умного, яркого, значительно выделяющегося на достаточно высоком фоне преподавателей радиофакультета.

Когда я защищал дипломный проект, я был необычайно горд, узнав, что Владимир Александрович будет моим рецензентом. Потом я, используя служебное положение в корыстных целях, украл с кафедры эту рецензию, написанную от руки его аккуратным легким почерком на 4-х страницах, и до сих пор, более 60 лет храню ее как драгоценную реликвию.

Став, после защиты диплома, ассистентом кафедры передатчиков, я не мог надеяться, что судьба снова сведет меня с Владимиром Александровичем. Однако, очень скоро Е.Р. Гальперин сообщил мне, что в МЭИ организуется Сектор специальных работ под руководством В.А. Котельникова, что на нашей кафедре создается группа этого сектора, что я включен в состав этой группы и должен буду разрабатывать один из узлов системы специального назначения. В ту эпоху подобные предложения не обсуждались, и я ответил: «Служу Советскому Союзу», получил исходные данные, ограниченные строгим режимом секретности, и приступил к работе. В ходе этой работы я, конечно, видел Владимира Александровича, но он со мной в контакт не вступал, общался только с Гальпериним, а уж Гальперин — со мной.

Так прошло полтора года, после чего ситуация круто изменилась. Е.Р. Гальперин был отстранен от работы сектора, а потом и от обязанностей заведующего кафедрой. Новый заведующий кафедрой отказался руководить кафедральной группой сектора, и группа была передана на кафедру ОРТ, а я, к моему удивлению, был назначен руководителем этой группы, хотя и был в ее составе младшим по возрасту и стажу. Но спорить было не принято, я снова сказал «есть» и приступил к работе, на этот раз более ответственной и трудной. Но при этом меня вдохновлял тот факт, что теперь Владимир Александрович — мой непосредственный начальник, даже дважды, и как заведующий кафедрой, и как главный конструктор сектора. И я надеялся, что у меня с ним теперь будут достаточно частые встречи. Действительность превзошла мои самые смелые ожидания. Наверное потому, что я был самым молодым и наименее опытным руководителем, Владимир Александрович первый год уделял моей группе и мне повышенное внимание и заходил почти ежедневно. Рабочий день тоже был тогда условным понятием, наши встречи были обычно по вечерам. В.А. внимательно выслушивал мой доклад о проделанном, был исключительно тактичен в замечаниях, но подмечал каждую мелочь, казалось бы, и незначительную. У него никогда не было командного тона, все его указания были в форме советов. Но особенно ярко в моей памяти сохранились случаи, когда В.А. заставлял меня у макета в расстроенных чувствах: схема не хотела меня слушаться, все получилось не так как надо. И тогда В.А. садился рядом, просил меня показать на осциллографе напряжение в отдельных узлах схемы, задавал несколько точных вопросов, сам брал в руки щуп осциллографа. В отличие от некоторых профессоров, В.А. великолепно владел любой измерительной аппаратурой, чувствовал себя свободно в открытой схеме макета, а иногда и паяльник мог взять в руки. Все свои действия он сопровождал подробными комментариями. И когда он

находил правильное решение, он не торопился мне о нем сообщать. Несколькими своими точно направленными действиями и замечаниями он пробуждал мое мышление и в большинстве случаев я сам приходил к этому решению, и получалось так, что это я сам при его помощи правильно преодолел возникшую трудность. Несколько движений паяльником — и на экране осциллографа появляется нужный результат. Владимир Александрович произносит свое знаменитое «ну-ну» и прощается. А я остаюсь глубоко удовлетворенный им, собой и достигнутым результатом. А что касается «ну-ну», то оно у Владимира Александровича имело много различных оттенков — удивленный, удовлетворительный, иронический, критический, даже сердитый. А еще мне очень нравилось, когда, недослышав чего-то, он переспрашивал: «Что?». Кроме таких посещений, я стал регулярно встречаться с В.А. на технических совещаниях. И это тоже для меня было большой школой. Я увидел, как демократично и свободно ведет В.А. обсуждение сложных вопросов, как каждый, невзирая на должность и возраст, может изложить и защитить свою точку зрения. И вместе с тем, как вежливо, но твердо В.А. пресекает бессодержательную болтовню. Я видел, как В.А. совершенно одинаково ведет себя и с нами, молодыми, и со старшими товарищами, такими, как Марков, Брауде, Соколов. Потом пришло время, когда В.А. стал брать меня с собой на совещания у заказчика — в организацию С.П. Королева, в смежные организации. Здесь я увидел замечательные дипломатические способности В.А. Он твердо и принципиально защищал интересы дела и нашей организации, но при этом никогда не доводил конфликт до острой фазы, умел вовремя совершить «тактический отход», с тем чтобы в более благополучный момент твердо настоять на своем. Но главное — в его выступлениях были неумолимая логика и чистая правда. Безупречной правдивости и открытости в отношениях с заказчиками, военными, смежниками В.А. учил всех нас. И учил честно и самокритично оценивать свою работу. Так закладывался тот стиль работы сектора, впоследствии развитый А.Ф. Богомоловым, который обеспечил успех и авторитет ОКБ МЭИ и жив еще в нынешнем ОКБ МЭИ.

Теперь я часто бывал в кабинете В.А. по текущим делам, на совещаниях, но он в мое подразделение заходил редко. Сектор стал большим, подразделений стало много, а может быть, он решил, что я уже стал опытнее и менее других нуждался в такой опеке.

С 1949 г. по 1953 г. Владимир Александрович неоднократно выезжал во главе наших экспедиций на полигон в Капустин Яр и лично участвовал во всех пусках ракет, оборудованных нашими измерительными системами. Владимир Александрович легко и быстро вошел в круг Главных конструкторов и технического руководства пусками. Этому способствовало то обстоятельство, что ряд Главных были выпускниками РТФ и были с ним знакомы (Черток, Рязанский, Борисенко, Богуславский). Огромное значение имело личное обаяние Владимира Александровича.

С огромным уважением относился к Владимиру Александровичу С.П. Королев. Обычно резкий и даже грубый, он по отношению к В.А. был исключительно вежлив и любезен. Обращался к нему он весьма почтительно, но иначе как «Товарищ профессор...». Однажды один из военных сказал Королеву: «В Ваших устах обращение к Котельникову “Товарищ профессор” звучит более почтительно, чем “Товарищ генерал”». На что Королев ответил: «Естественно. Здесь в радиусе 50 км генералов не меньше сотни, а профессор — один, и это Котельников». (Это, впрочем, не мешало Королеву по отношению к сотрудникам Котельникова быть самим собой.)

К сожалению, на полигоне я меньше общался с В.А. Я занимался бортовой аппаратурой, а В.А. основное внимание уделял наземным радиолокационным станциям и там проводил большее время. «Отыгрывался» я после пусков в ходе обработки информации и в процессе составления отчетов. Но товарищи-наземщики рассказывали мне, что в ходе пусков В.А. очень любил садиться лично за штурвал локатора и весьма успешно исполнял роль оператора. Он великолепно «чувствовал» сигнал на индикаторах и моментально принимал необходимые решения.

Работа на полигоне помогла мне еще глубже осознать качества В.А. как человека и руководителя, методом, так сказать, сравнения. Ракета в то время была небольшой, метров двадцать длиной, и мы, разработчики разных систем из разных организаций, облепляли ее, как муравьи. А за нашими спинами стояли Главные и высшие чины военных и королевского ОКБ. И я имел возможность видеть и слышать, как общаются со своими сотрудниками эти начальники. Стоит ли говорить, в чью пользу было это сравнение.

В то время жизнь на полигоне была нелегкая, бытовые условия были очень тяжелыми. При этом минимальные жизненные блага распределялись очень жестко по классовому (или кастовому) принципу. Главные конструкторы, генералы и руководящий состав ОКБ Королева получали максимум возможных благ, а остальные — минимум, необходимый для выживания. Это обстоятельство было для Владимира Александровича большим испытанием. Он бы с радостью отказался от этих преимуществ, но не мог. Это сразу резко ограничило бы его контакты с руководством и сразу же отрицательно сказалось на деле. Но он всячески старался не отрываться от своих сотрудников в быту. Он с радостью оставался неоднократно на ночь в наших землянках и с удовольствием питался вместе с нами тем, что готовил наш повар — механик Григорий Михайлович Зубакин с помощью дежурных сотрудников. И при этом похваливал «аспирантский суп» или «инженерную кашу», именовавшихся согласно должности дежурных. Со своей стороны он принимал все возможные и невозможные меры для улучшения быта участников экспедиции.

Здесь, на полигоне, я еще раз убедился в его доброте, чуткости, отзывчивости.

Если он имел возможность выехать на почту для разговора по телефону с семьей, он всегда брал с собою для той же цели столько желающих, сколько могло набиться в предоставленный ему командованием «Газик».

Когда в одной из экспедиций я тяжело заболел и был положен в госпиталь, он на второй день навестил меня, и не один, а вместе с С.П. Королевым, прекрасно понимая, как такой визит отразится на отношении ко мне персонала госпиталя.

Когда Владимир Александрович в 1954 г. уходил от нас, для меня это было большим личным горем. Я, конечно, вместе со всеми радовался, когда он стал академиком и получил высокий ответственный пост. И хотя он оставил нам достойного приемника в лице А.Ф. Богомолова, которого многие из нас хорошо знали и высоко ценили, я долго не мог привыкнуть к новому руководителю и все время болезненно сравнивал его поведение с тем, как бы на его месте поступил и что бы сказал В.А. Потом время, конечно, все поставило на свое место. Я проработал в тесном контакте с А.Ф. Богомоловым в пять раз больше времени, чем с В.А., и на это время приходятся все мои личные достижения. Но 6 лет, проведенных в секторе под руководством Владимира Александровича, и общение с ним в эти годы остаются для меня лучшими годами моей жизни.